

Руань И несколько не удивился тому, что Лу Бинчэнь узнал о случившемся. Это же Лу Бинчэнь — удивительно было бы, останься он в неведении.

Потупившись, Руань И молча шагал вперёд. Он прекрасно понимал, зачем тот явился: обычная досада, собственничество, нежелание видеть, как он проявляет участие к кому-то другому. В прошлой жизни всё происходило по тому же сценарию. Тогда Руань И души в нём не чаял, готов был звезду с неба достать, а Бинчэнь всё равно изнывал от ревности. Что уж говорить про нынешнюю жизнь, где Лу Бинчэнь раз за разом терпел от него неудачи? Прослышав о той истории, он просто не мог не прийти и не устроить сцену.

Но сейчас Руань И горел в бреду, сил на выяснение отношений не было вовсе. Предчувствуя, что разговор выйдет дрянным, он просто не желал выслушивать его.

Бинчэнь сжал кулаки так, что побелели костяшки, и ринулся следом:

— Ты же знаешь: с какой бы бедой ты ни столкнулся, я готов помочь. И я могу помочь. Почему ты не пришёл ко мне?

В его голосе проскользнула даже какая-то детская обида.

— Мелочи, — ровно отозвался Руань И. — Сам справлюсь.

Они миновали густую тень деревьев и вышли на залитую светом фонарей улицу. Лишь теперь Бинчэнь разглядел, насколько мертвенно-бледен был Руань И.

— Что с тобой?

Подними Руань И взгляд, он заметил бы, как леденеет взор Лу Бинчэня.

— Чжан Цзымин? — тихо спросил тот. — Он тронул тебя?

Руань И качнул головой:

— Жар. Плохо себя чувствую.

Глядя на его чуть сдвинутые брови, Бинчэнь мгновенно утратил весь свой гнев и досаду. Подхватив Руань И под локоть, он вкрадчиво, с мягким укором пробормотал:

— Что ж ты сразу не сказал?

Руань И даже отвечать не стал. Тело налилось свинцовой тяжестью, сил не хватало даже на то,

чтобы хоть как-то отреагировать на прикосновение или слова Лу Бинчэня.

Лу Бинчэнь провожал его до съёмной квартиры. Руань И не стал обращать на него внимания: переступив порог, сразу прошёл в спальню и упал на кровать.

Бинчэнь вёл себя необычайно тихо, без лишних расспросов. Прикрыв дверь в спальню, он отправился на кухню. На шкафчике нашелся небольшой глиняный горшочек, а на полке — вместительный таз с пакетиками: рис, зелёная и красная фасоль, клейкий и чёрный рис.

Всё необходимое было под рукой, выходить на улицу не пришлось. Накинув фартук, Лу Бинчэнь вымыл кастрюлю, промыл крупу и поставил вариться кашу.

У Руань И это был давний вред: ещё в прошлой жизни каждый сменяющийся сезон оборачивался для него болезнью. То сильнейшая лихорадка, то тяжелейшая простуда. Поначалу Бинчэнь пытался поить его лекарствами заранее, заставлял одеваться теплее, но быстро понял: всё попусту. Руань И всё равно валился с ног, словно по расписанию.

С тех пор Бинчэнь бросил попытки предотвратить неизбежное. Всё равно за годы он набил руку в уходе за больным Руань И.

Руань И метался в полузабытьи, когда ощутил на лбу приятную прохладу влажного полотенца.

Он словно провалился в беспросветную, глухую тьму, где на раскалённый, раскалывающийся от боли разум вдруг опустился кусочек льда. Это ощущение внезапно отозвалось в нём щемящей, странной узнаваемостью. По идее, следовало почувствовать облегчение, но вместо этого грудь сжала тихая, необозримая печаль.

Сменив полотенце, Лу Бинчэнь вернулся на кухню. Взяв деревянную ложку, он медленно и плавно мешал рисовый отвар. Секунды складывались в минуты; он терпеливо вымешивал кашу, пока крупинки не разварились в густую, шелковистую массу, а по кухне не разлился аппетитный, согревающий аромат.

Спустя два часа рисовый отвар был готов. Как раз подвезли и заказанные лекарства.

Налив кашу в пиалу и дав ей немного остыть, Бинчэнь пошёл будить Руань И.

Руань И разомкнул веки и некоторое время растерянно смотрел на Лу Бинчэня:

— Ты ещё не ушёл?

Рука Бинчэня, державшая пиалу, замерла. Он поджал губы:

— Даже в таком состоянии не забываешь выставить меня за дверь. До того я тебе противен? Всё равно не терпишь моего присутствия?

За всю жизнь он ни о ком так не заботился. Лицо Бинчэня заледенело, но, глянув на измождённого Руань И, он сдержал вспышку гнева и протянул пиалу:

— Поешь сначала. Потом выпьешь лекарство.

Руань И пошевелил ложкой. Рисовая каша выварилась до идеальной тягучести, испуская густой, сладковатый пар. Мастерство Лу Бинчэня в готовке действительно не имело равных.

Вот только в прошлой жизни этот человек пел ему совсем другие песни — твердил, будто научился варить кашу исключительно ради него. И Руань И тогда поверил! Не просто поверил, а растрогался до глубины души. А оказывается, Лу Бинчэнь уже в шестнадцать лет владел этим искусством в совершенстве.

Руань И едва заметно ухмыльнулся. Надо же, до сих пор цепляется за эти воспоминания. Глупости какие.

Он поднял глаза:

— Спасибо.

Наблюдая, как Руань И ложка за ложкой отправляет кашу в рот, Бинчэнь почувствовал, как тяжесть на душе рассеивается, уступая место тихому, сладостному удовлетворению.

Придвинув стул ближе к кровати, он с улыбкой спросил:

— Вкусно?

— Угу.

Лу Бинчэнь просиял. Довольно прищурившись, он ласковой кошкой подался вперёд, обвился руками вокруг талии Руань И и, уткнувшись носом в его шею, тихо промурлыкал:

— Чтобы каша получилась густой, нужно без остановки мешать её в одну сторону. Я больше часа над ней простоял. Устал безумно...

Руань И как раз допивал остатки; от такой неожиданности рука его дрогнула, и он едва не выронил пиалу.

Удержав посуду, он резко чеканя слова оборвал его:

— Лу Бинчэнь, отвали!

Бинчэнь замер как громом поражённый. Он ошеломлённо уставился на него, хлопая длинными ресницами, а в глубине его зрачков вспыхнула смесь обиды и ярости. Вообще-то он не любил выходить из себя и редко злился всерьёз. С раннего детства в семье Лу его учили сдержанности. Бурные эмоции губительны, и дед с первых лет воспитывал в нём холодную выдержку.

Никогда за все эти годы ничьи слова не выбивали его из колеи так мгновенно.

Потребовалась вся выучка прошлой жизни, чтобы взять себя в руки. Поднявшись с места, Лу Бинчэнь как ни в чём не бывало забрал из рук Руань И опустевшую посуду:

— Ты сегодня толком не ел, давай ещё налью.

Затем поставил перед ним стакан и таблетки:

— Вода тёплая, в самый раз выпить.

Руань И и впрямь за весь день не проглотил ни крошки. Глядя на пиалу в руках Бинчэня, затем на лекарство, он вдруг поймал себя на том, что не знает, как реагировать. На миг в груди сжалась острая, тонкая боль — точно сердце обтянули шёлковой нитью.

Вернувшись с новой порцией, Бинчэнь сдержанно произнёс:

— Я сварил с запасом, хватит и на завтрашнее утро.

Руань И запнулся и тихо произнес:

— Спасибо.

Лу Бинчэнь смотрел на него сверху вниз, а потом вдруг сбавил тон почти до шёпота:

— Руань И... Не ненавижь меня, ладно?

Не успел Руань И ответить, как зазвонил телефон.

Взглянув на экран, он замер.

Дисплей высвечивал имя: Лян Сюй. Иными словами — его биологический отец. Хотя ни сам Руань И, ни Лян Сюй никогда не придавали этому кровному родству ни малейшего значения.

Нахмурившись, он всё же принял вызов.

Из динамика тут же обрушился бранный шквал:

— Ты что сегодня в школе устроил?!

Голос Лян Сюя гремел настолько громко, а динамик так фонил, что Лу Бинчэнь прекрасно слышал каждое слово. От этого хамского, прокурорского тона у Бинчэня опасным блеском блеснули глаза. Он сжал губы, но остался на месте.

— Совсем страх потерял, мерзавец! — заходился в крике Лян Сюй. — Огрызаться на учителей?! Никакого воспитания! Я каждый месяц отстёгиваю бабки, а твоя вторая тётка вырастила из тебя хамло! Не смей никому говорить, что ты мой сын, мне перед людьми тошно!

Взгляд Лу Бинчэня стал опасным и ледяным.

У Руань И закружилась голова. Предметы перед глазами то меркли, то вспыхивали яркими пятнами, земля уходила из-под ног, а пальцы, сжимавшие смартфон, задрожали.

— За это не переживай, — перебил он отца. — Я тебя отцом отродясь не считал.

И сбросил звонок.

Бинчэнь тут же подхватил его под спину. Руань И выглядел настолько плохо, что Бинчэню захотелось дотянуться через сотни километров и переломать тому человеку шею.

— Я здесь, — зашептал он, обнимая его за плечи. — Закрой глаза. Подыши.

Руань И зажмурился. Желудок мгновенно скрутило дикой, спазматической болью, он судорожно согнулся пополам и его вырвало. Свежесъеденный рис выплеснулся на пол — желудок даже не успел начать переваривать пищу.

Бинчэнь крепко сжал его в объятиях, не давая упасть.

В мутном полузабытьи Руань И почувствовал, как сильные, надёжные руки удерживают его над бездной. Он бессознательно вцепился в чужие рукава.

Зачем Лян Сюй позвонил — догадаться было нетрудно. Едва ли школа решила оповестить отца,

ведь Руань И не указывал контакты Лян Сюя ни в одном анкетировании. Вернее всего, Брат Леопард сболтнул Лян Юю, а тот прибежал к отцу и сгустил краски...

Зачем он вообще думает об этом?

Руань И давно уяснил: что бы ни говорил и ни делал Лян Сюй, это не должно трогать его. Он искренне верил, что ему давно всё равно.

Лу Бинчэнь погладил его по мокрым от пота волосам и тихо прошептал:

— Руань И... Не терзай себя.

<http://bllate.org/book/20540/2140409>